

МЕСТОИМЕНИЕ «МЫ» В ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

*Работа представлена кафедрой русского языка
Брянского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. Л. Голованевский

В настоящей статье рассматривается вопрос о структурно-семантической особенности местоимения «мы» в поэтическом дискурсе Ф. И. Тютчева. Проводится детальный анализ семантики местоимения 1-го лица мн. числа на материале всего творчества поэта.

Ключевые слова: местоимение, семантика, семантическая структура, поэтический дискурс.

T. Nosoreva

PRONOUN “WE” IN THE POETRY OF F. I. TYUTCHEV

The article is devoted to the structural and semantic peculiarities of the pronoun “we” in the poetic discourse of F. I. Tyutchev. The detailed analysis of the semantics of the pronoun “we” is carried out on the basis of the whole creative work of the poet.

Key words: pronoun, semantics, semantic structure, poetic discourse.

В русском языке местоимение определяют как лексико-семантический класс слов, в значение которых входит либо «отсылка к данному речевому акту, либо указание на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью» [7, с. 15].

В поэтическом тексте местоимения играют особую роль. Ограниченное языковое пространство способствует тому, что слово становится семантически осложненным, а смысловые ассоциации углубляются. Многие исследователи отмечают, что в лирическом произведении семантическая структура слова обретает несколько содержательных уровней. В условиях стихотворного текста подобный процесс обрастания смыслами характерен для всех частей речи – знаменательных и служебных. Каждая из языковых единиц, используемая в лирическом произведении, несет дополнительную смысловую нагрузку. К ним относятся и местоимения. Выявление их смысловой роли в поэтической речи представляется тем более интересным, что местоимения «в повседневной речевой практике – второстепенный лексический раз-

ряд, не обладающий ни самостоятельным значением, ни какой бы то ни было стилистической окраской» [5, с. 84]. Но законы художественного творчества действуют таким образом, что «разряд местоимений, в узуальной языковой системе, не обладающий значительностью, системой стиха выдвигается на первый план, добавочно семантизируется, укрупняется» [5, с. 84].

Особая роль местоимений в структуре поэтического текста была обоснована Р. О. Jakobsonом, который указывал на то, что поэтический текст «либо грамматичен, либо антиграмматичен, но никогда не аграмматичен» [9, с. 335]. Этот принцип Р. О. Jakobson иллюстрировал примерами из пушкинской лирики. Г. А. Гуковский, анализируя лирику Жуковского, указывал на другую возможность использования местоимений в поэтическом тексте «местоимения здесь могут заполняться окказиональными, лексическими, вещественными значениями, выступая в функции значимых слов, но с размытыми до степени колеблющихся семантических пятен смыслами» [цит. по: 1, с. 554]. Изучая орга-

низацию местоименного слова в художественных текстах Анненского, М. Л. Фёдоров отмечал, что «местоимение для поэзии – понятие философское» [7, с. 15]. Результатами исследований поэтических текстов последних десятилетий стали выводы о том, что местоимения в языке поэзии несут особую нагрузку, выражая значение – «лирический герой и его отношения с окружающим миром».

Система местоимений Тютчева, по мнению многих исследователей, достаточно сложна и отличается «резким своеобразием» [1, с. 554].

В своем диссертационном исследовании мы рассматриваем общий семантико-стилистический потенциал местоимений поэзии Ф. И. Тютчева. В настоящей статье ограничимся наблюдением за лексико-семантическим своеобразием местоимения **Мы**.

В словарях русского языка традиционно выделяют такие значения местоимения **Мы**:

1) для обозначения себя и собеседника или нескольких лиц, включая себя;

2) вместо «я» в обращении одного лица ко многим в авторской речи или (устар.) от лица монарха в дореволюционной России;

3) вместо «ты» или «вы» при сочувственном или ироническом обращении (разг.) [СОШ, 1997].

1) Для обозначения двух и более лиц, включая говорящего; для обозначения группы людей, объединенных общностью происхождения, взглядов, занятий, интересов; для обозначения неопределенного действующего лица;

2) для обозначения говорящего и каково-либо другого лица (с предлогом «с» и творительным падежом);

3) вместо «я» в авторской речи, просторечии, мещанско-крестьянской среде и т. д.;

4) вместо 2-го или 3-го лица в эмоционально-экспрессивной речи [БАС].

Согласно алфавитно-частотному словнику местоимение **Мы** в поэтическом словаре Тютчева в различных падежных формах насчитывает 309 употреблений, из них в форме им. п. (мы) – 112, р. п. (нас) – 95, д. п. (нам) – 79, тв. п. (нами) – 23 [3, с. 223]. Личное местоимение **Мы** в контекстах поэта

представляет собой лексему с довольно широкой лексико-семантической структурой. Значение названной лексики определяется несколькими факторами: а) семантической особенностью поэтического дискурса; б) контекстуальным наполнением высказывания или всего произведения; в) использованием в оригинальном или переводном произведении, где то или иное значение может быть предопределено автором.

Для Тютчева характерно употребление **Мы** в отвлеченно-обобщенном значении, когда местоимение указывает на всех, на неопределенное множество лиц. В этом значении **Мы** принадлежит к «смысловому пространству всеохватности (всеобщности)» [8, с. 60]. Такое значение местоимения **Мы** встречается в философской лирике поэта. И это не случайность, а скорее закономерность, ведь Тютчев прежде всего философ поэзии. Подобное значение автор готовящегося поэтического словаря Ф. И. Тютчева А. Л. Голованевский относит к афористическим: **Нам** не дано предугадать, Как слово наше отзовется, – **И нам** сочувствие дается. Как **нам** дается благодать... («Нам не дано предугадать...»); О, как на склоне наших лет Нежней **мы** любим и суеверней... Сияй, сияй, прощальный свет Любви последней, зари вечерней! («Последняя любовь»). Такое значение местоимения обусловлено философским подтекстом произведения, где поэт обращается к каждому в отдельности из всей совокупности лиц: За нашим веком **мы** идем, Как шла Креуза за Энеем: Пройдем немного – ослабеем, Убавим шаг – отстаем. («За нашим веком **мы** идем»); О, как убийственно **мы** любим, Как в буйной слепости страстей **Мы** то всего вернее губим, Что сердцу нашему милей! («О, как убийственно **мы** любим»).

В лирическом дискурсе происходит смещение значения местоимения **Мы**, где роль говорящего и адресата является центральной и на первый план выдвигаются индивидуальные значения, где тютчевское **Мы** это союз Я и Ты, обозначающее лирического героя и его возлюбленную: Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край: День вечерел; **мы** были двое («Я помню время зо-

лотое...»); Вот тот мир, где жили **мы** с тобой, Ангел мой, ты видишь ли меня? (Накануне годовщины 4 августа 1864 г.).

Как отмечал Ю. М. Лотман, «своеобразие большой группы стихотворений Тютчева состоит в том, что языковой автоматизм соотношения участников речевого акта и грамматической категории лица нарушается. Это придает категории лица отстраненность, делает ее результатом целенаправленного авторского решения, т. е. возводит ее в ранг надязыкового понятия личности» [1, с. 555].

Рассмотрим стихотворение «С какую негою, с какой тоской влюбленный...», здесь два персонажа лирической коллизии – «ты» и «он»:

С какую негою, с какой тоской влюбленный *Твой* взор, *твой* страстный взор изнемогал на *нем!* («С какую негою, с какой тоской влюбленный...»).

Это распределение персонажей выдерживается на протяжении трех строф (12 стихов), но в последней строфе поэт переходит на 1-е лицо множественного числа, говоря о «нас обоих»: А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось, Что будущность для **нас** обоих берегла...

Здесь местоимение «мы» обозначает не «я и другой (другие)», а «ты и он». При этом в результате резкой смены точки зрения текста содержанием «он» по месту в речевом акте оказывается «я». Парадоксально нарушается правило, согласно которому местоимение «я» всякий раз обозначает то лицо, которое произносит слово «я». Здесь «я» («мы») произносит «он». В последней строфе местоимение «Он» семантизируется в «Я» поэта. Этому соответствует большое временное пространство – «Днесь» – от прошлого до настоящего. Поэт через призму лет анализирует состояние прожитого. Потребовалось время, перспектива, чтобы «Он» перешло в «Я», ибо сам поэт и его страсть уже не те, что тогда. Подобный случай сдвига местоименных отношений можно наблюдать в стихотворении «Опять стою я над Невой...», где в последней строфе, поэт заменяет «Я» на «Мы», объединяя живого героя с ушедшей из жизни героиней, тем самым создает парадок-

сальную ситуацию, в которой речь идет от лица неживого, но этот мертвец живое «Я» поэта. Во сне ль все это снится мне, Или гляжу я, в самом деле, на что при этой же луне с тобой живые **Мы** глядели?

Местоимение **Мы** в поэзии Тютчева используется для обозначения круга людей, объединенных общими ценностями и общей судьбой, обязанных по мере возможности оберегать общее достояние и помогать друг другу. Чаще всего оно встречается в стихотворениях, посвященных гражданской, патриотической тематике. Такое значение местоимения **Мы** определено нами как **МЫ групповое**, где говорящий отождествляет себя: а) с близкими друзьями: Потом **мы** все, в молитвенном молчанье, Священные поминки сотворим, **Мы** сотворим тройное возлиянье Трем незабвенно-дорогим...; б) со сторонниками официальной политики, с теми, кто разделяет взгляды Тютчева на роль России в истории славянства: Гуманный внук воинственного деда, Простите нам, наш симпатичный князь, Что русского честим **мы** людоеда, **Мы**, русские, Европы не спросясь!.. («Его светлости князю А. А. Суворову»); в) со всеми людьми, с теми, кому предназначена общая судьба: Брат, столько лет сопутствовавший мне, И ты ушел, куда **мы** все идем, И я теперь на голой вышине Стою один, – и пусто все кругом... («Брат, столько лет сопутствовавший мне...»).

Это значение местоимения **Мы** близко к выделенному афористическому значению по признаку охвата всеобщности лиц.

Интересным представляется и тот факт, что в некоторых контекстах, где значение **Мы** определяется нами как **мы групповое**, на первое место выдвигается именно группа, а только за тем к ней (группе) присоединяется **я «говорящий»**: Великий день Карамзина **Мы**, поминая братской тризной, Что скажем здесь перед отчизной, На что б откликнулась она? («Великий день Карамзина»). Таким образом, мы можем видеть перераспределение грамматического и поэтического лица стихотворения, столь характерное для Тютчева: **И мы**, признательные внуки, Его всем подвигам благим Во имя Правды и Науки Здесь

память вечную гласим. («Он, умирая, сомневался...»,); Будь это и для нас возведено не в суе – Заветом будь оно и нам, И мы, великий день здесь братски торжествуя, Поставим наш союз на высоту такую, Чтоб всем он виден был – всем братским племенам. («11-е мая 1869»); Чего же, царь, тебе мы пожелаем? («Императору Александру II»); Все этим выстрелом, все в нас оскорблено, И оскорблению как будто нет исхода Легло, увы, легло позорное пятно На всю историю российского народа! («Так! Он опасен – иначе быть не может!»); Как неразгаданная тайна, Живая прелесть дышит в ней – Мы смотрим с трепетом тревожным На тихий свет ее очей. («Как неразгаданная тайна...»).

В текстах поэта встречается местоимение **Мы**, где говорящий отождествляет себя со всеми живыми природными явлениями. В таком случае местоимения **Мы** определяется нами как **Мы олицетворения**, означающее группу неодушевленных персонажей, таких как ручьи, листья, от лица которых и идет речь: Пусть сосны и ели Всю зиму торчат,... **Мы** ж, легкое племя, Цветем и блещим И краткое время На сучьях гостим. Все красное лето **Мы** были в красе, Играли с лучами, Купались в росе! («Листья»);. Еще в полях белеет снег,

А воды уж весной шумят – Бегут и будят сонный брег, Бегут и блещут и гласят –... **Мы** молодой весны гонцы, она нас выслала вперед. («Весенние воды»).

Достаточно объемную группу стихотворений поэта составляет переводная лирика. И при анализе местоименного значения переводов нам важно учитывать тот факт: следует ли поэт строго за автором оригинального произведения. В таких контекстах значение местоимения **Мы** определяется нами как **Мы исторического персонажа**. Например, в стихотворении «Едва мы вышли из Трезенских врат...», где местоимение принимает значение «я + кто-то», не подразумевая конкретного указания на лица: Едва **мы** вышли из Трезенских врат, Он сел на колесницу, окруженный Своєю, как он сам, безмолвной стражей. Подобного рода значения мы выявляем в переводной лирике Ф. И. Тютчева: Пред **нами** наш вождь! Мужайтесь, о други, – и вслед за могучим Ударим грозой. («Песнь скандинавских воинов»); Злосчастные бойцы, все силы духа, Всю сердца кровь в бою **мы** истожили – И бледных, преждевременно одряхших Нас озарит победы поздний день!.. (Из «Путевых картин» Гейне).

Ю. М. Лотман, говоря о своеобразии системы организации местоимений в поэзии Тютчева, отмечал, что «за местоимением поэта стоит категория не только грамматического, но и поэтического лица» [1, с. 554]. Именно это поэтическое лицо мы и попытались выявить в нашем исследовании. И как показывают наблюдения, поэтическое местоимение включается в общую систему языка, но в то же время занимает особую позицию в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. О Поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. 848 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
3. Проблемы авторской и общей лексикографии: Материалы международной научной конференции / Под ред. докт. фил. наук, проф. А. Л. Голованевского, канд. фил. наук, доц. Л.Л. Шестаковой. Брянск: РИО БГУ, 2007. 300 с.
4. Прокофьева В. Ю. Местоименное слово в представлении пространства русскими поэтами-футуристами. Филологические науки. 2003. № 5. С. 31–42.
5. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. М.; Л., 1948–65.
7. Фёдоров М. Л. Местоимения, выделенные курсивом в лирике Анненского. Русская речь. 2005. № 4. С. 15–21.

8. *Шведова Н. Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1999 176 с.

9. *Якобсон Р. О.* Избранные труды / Сост. и общ ред. В. А. Звягинцева. М.: Прогресс, 1985. 455 с.